

Елена Николаевна Егорова

Угрешская лира. Выпуск 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6544317

Угрешская лира / Поэтический альманах. Выпуск 2.: Угреша; Москва; 2009

ISBN 978-5-900999-44-9

Аннотация

Во второй выпуск альманаха «Угрешская лира» вошли лучшие произведения поэтов подмосковного города Дзержинского, расположенного на древней Угрешской земле, славной своими духовными, боевыми и трудовыми традициями.

Выпуск посвящён 210-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. В разделе «Поэтический венок Пушкину» помещены стихи о великом русском поэте и местах, связанных с его именем. В основе авторских подборок – стихи о любви.

Гостевые страницы выпуска отведены творчеству выдающегося поэта Льва Котюкова. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	6
Поэтический венок Александру Пушкину	8
Ярослав Смеляков	8
Стихи, написанные в псковской гостинице	8
«Не в парадную дверь музея...»	9
Татьяна Уварова	10
Мой юный Пушкин	10
Сергей Красиков	11
Захарово. Пушкину	11
Анна Картавец	12
Детство поэта	12
Елена Егорова	13
Пушкин в Малинниках	13
Дорога в Берново	13
Михаил Ложников	15
Пушкин и море	15
Игумен Антоний (Бочков)	16
Две птицы	16
Елена Егорова	17
Молитва Натали	17
Валерий Аушев	19
Разговор с духом Пушкина	19
Елена Егорова	22
Великий Пушкин	22
Гость «Угрешской лиры»	23
Лев Котюков	23
Залог	23
Жар любви	24
«Над садом ледяным свет золотого сада...»	24
«...И первая любовь ещё приснится мне...»	25
Черёмуха	25
Яблоко	26
Сентиментальная история	26
Банальный сюжет XX века	27
Над красным садом	27
«Где первая любовь? Где всемогущий свет?...»	28
Северным летом	28
«...И влажный свет, и тёплая весна...»	29
«Меркнут в памяти лица...»	29
Угрешский Парнас	31
Татьяна Уварова	31
«В платье зелёном из дома я вышла...»	32
У Пушкина	33
«Радугой любовь моя сияет...»	34
«Божественен запах айвы...»	34
Веточки вербы	34

Предутреннее	35
«Надели звёзды шапки – невидимки...»	35
«У меня в мечтах ты жил...»	35
«Улетели наши самолёты...»	36
Первая любовь	37
«Пусть жизнь не стоила гроша...»	37
Елена Егорова	39
Екатерина Ушакова – Александру Пушкину	39
Любовь флейтиста	40
Росинка грусти	41
Соловьиный вечер	42
Вздых осени	42
Осеннее счастье	42
Вешний сон	43
Росток	43
Измена	44
Заветная любовь	44
Поздняя любовь	44
Песнопения любви	45
Валерий Аушев	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Составитель выпуска: Елена Егорова

Угрешская лира 2

К 210-летию со дня рождения А.С. Пушкина

*Поэтический альманах
Выпуск 2*

Произведения печатаются в авторской редакции

Литературное объединение «Угреша»
ДМУП «Информационный центр» 2009

Редколлегия:

Елена Егорова,
Татьяна Уварова
Валерий Аушев,
Инна Гильченко

Составитель выпуска: Елена Егорова

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации города Дзержинского

Предисловие

*И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.*

А.С. Пушкин

Подмосковная Угреша известна литературными традициями со второй половины XIX века. Здесь в 1867–1880 годах написал свои лучшие произведения известный духовный писатель и поэт Дмитрий Благово, в иночестве архимандрит Пимен. Свои последние стихи и книгу «Русские поклонники в Иерусалиме» сочинял в стенах Николо – Угрешского монастыря игумен Антоний (Бочков), известный в XIX веке литератор, знакомый А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. В одном из стихотворений отец Антоний написал о великом Пушкине:

...мы пели
И в юности, в зрелости лет,
По складу его и по ладу...

Литературные традиции Угрешской земли были продолжены в 1930–е годы, когда членом трудовой коммуны № 2 ОГПУ – НКВД, которой перешла территория упразднённого Николо – Угрешского монастыря, был выдающийся советский поэт Ярослав Смеляков. В 1937–1939 годах он работал ответственным секретарём местной многотиражки «Дзержинец», руководил группой рабкоров. Он специально возил их в Москву на экскурсию по юбилейной выставке, посвящённой 100–летию со дня гибели А.С. Пушкина. Смеляков трепетно относился к творчеству великого поэта, считая его своим «единственным судьёй».

Велико было влияние пушкинской традиции на творчество членов литобъединения «Родник», созданного в послевоенные годы в пос. Дзержинском, перенявшем название от коммуны (в 1936 году ей было присвоено имя Ф.Э. Дзержинского).

Теперь на смену этому литобъединению, распавшемуся в начале 1990–х годов, пришло литобъединение «Угреша» имени Я.В. Смелякова. В творчестве наших авторов пушкинская традиция играет не менее важную роль.

Ныне в составе литобъединения 14 членов Союза писателей России, из них 9 являются лауреатами и дипломантами престижных литературных премий, в том числе московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова. Премия была учреждена в 2005 году администрацией г. Дзержинского и Московской областной организацией Союза писателей России при поддержке главы города Виктора Ивановича Доркина, погибшего от пуль наёмных убийц 30 марта 2006 года. Его памяти посвящён первый выпуск поэтического альманаха «Угрешская лира» (2007).

Второй выпуск подготовлен к 210–летию со дня рождения А.С. Пушкина и начинается с раздела, посвященного великому поэту. И неслучайно книга открывается стихами Ярослава Смелякова о Пушкине.

Гостевые страницы выпуска отведены творчеству выдающегося поэта Льва Котюкова, секретаря правления Союза писателей России, председателя правления Московской областной организации Союза писателей России, лауреата Государственной премии I степени ЦФО РФ и многих престижных литературных премий, в числе которых премия имени Ярослава Смелякова (2007).

В книгу вошли лучшие стихотворения членов литературного объединения «Угреша». В разделе «Угрешский Парнас» помещены произведения поэтов, достигших творческой зрелости и хорошо известных любителям поэзии: руководителя литобъединения Татьяны Уваровой, заместителя руководителя Елены Егоровой, Валерия Аушева, Бориса Щербатова, Инны Гильченко и других. Значительное место отведено творчеству молодых поэтов, чьи произведения уже обрели своих почитателей. Это Саида Кузнецова, Маргарита Филатова – Ключева, Максим Ключев, Галина Черкес – Филатова, Анна Картавец, Анастасия Мигова и другие. В следующем разделе опубликованы стихи юных талантливых авторов, лауреатов I и II городских конкурсов «Юная муза Угрешы». Завершает альманах «Элизиум «Угрешской лиры», составленный из поэтических сочинений литераторов прошлого, связанных с Угрешской землёй. Это Ярослав Смеляков, Пимен (Благово), Антоний (Бочков), Сергей Красиков и Павел Фолин.

Стихи, включённые во второй выпуск «Угрешской лиры», непременно найдут отклик в сердцах самого широкого круга любителей поэзии, ибо лейтмотив альманаха «О Пушкине и о любви» близок по духу россиянам и нашим зарубежным соотечественникам.

Поэтический венок Александру Пушкину

Ярослав Смеляков

Стихи, написанные в псковской гостинице

С тех самых пор, как был допущен
в ряды словесности самой,
я всё мечтал к тебе, как Пущин,
приехать утром и зимой.

И по дороге возле Пскова, —
чтоб всё, как было, повторить, —
мне так хотелось ночью снова
тебе шампанского купить.

И чтоб опять на самом деле,
пока окрестность глухо спит,
полозья бешено скрипели,
и снег стучал из – под копыт.

Всё получилось по – иному:
день щебетал, жужжал и цвёл,
когда я к пушкинскому дому
нетерпеливо подошёл.

Но из – под той заветной крыши
на то крылечко без перил
ты сам не выбежал, не вышел
и даже дверь не отворил.

...И, сидя над своей страницей,
я понял снова и опять,
что жизнь не может повториться,
её не надо повторять.

А надо лишь с благоговеньем,
чтоб дальше действовать и быть,
те отошедшие виденья
в душе и памяти хранить.

«Не в парадную дверь музея...»

Не в парадную дверь музея —
чёрным ходом — не наслежу? —
и гордясь, и благоговей,
в гости к Пушкину я вхожу.

Я намного сейчас моложе —
ни морщин, ни сединок нет,
бьётся сердце моё. Похоже,
словно мне восемнадцать лет.

Будто не было жизни трудной,
поражений, побед, обид.
Вот сейчас из — за двери чудный
голос Пушкина прозвучит.

И, в своём самомнении каясь,
не решаясь ни сесть, ни встать,
от волнения заикаясь,
буду я — для него — читать.

Как бы ни было — будь что будет,
в этом вихре решаюсь я:
пусть меня он сегодня судит,
мой единственный судия.

Татьяна Уварова

Мой юный Пушкин

*Поэты, признайтесь,
Что каждый из вас
В мечтах с ним
Встречался не раз.*

Креолки абрикосовой
Дитя звонкоголосое,
Счастливый избранник муз,
Поэт и проказник,
На дружеский праздник
К тебе я однажды явлюсь!

Напрасно нас время
Держало за стремя.
Свободен полёт наших душ.
Друг друга встречаем —
Ни тени печали!
И весело пенится пунш.

Живи, ясноглазый, —
«Да здравствует разум!»
Из разных времён беглецы,
Мы – ветер и птица.
О, как нам летится!
Пуškai же злословят глупцы,

Цари, патриархи
Истлели во прахе,
Забвенье их скрыло стеной.
А ты, мой любимый,
Стоишь невредимый.
А пуля прошла стороной...

Сергей Красиков

Захарово. Пушкину

Здесь, где души его частица,
Где годы детские прошли,
Я рад сегодня причаститься,
Поцеловать щепоть земли,
Почувствовать душой и телом
Под тихий шелест камыша,
Как полным голосом запела
Его великая душа.
Он завещал святое право
На всех поэтов возложить:
Нести народу только правду,
Лишь горькой истине служить.

Анна Картавец

Детство поэта

*Мне видится моё селенье,
Моё Захарово...*

А.С. Пушкин

...Здесь солнце ему светило,
Играя в листве тополей,
Здесь сердце его полюбило
Прохладу тенистых аллей.

Здесь знал он уединенье
И радости шумных игр,
Предчувствие вдохновенья
Открыл ему детства мир.

Всё сбудется: жгучие ласки
И дружба, что греет сердца.
Но первые нянины сказки —
Как свет для души творца.

Елена Егорова

Пушкин в Малинниках

*Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми.*
А.С. Пушкин

Нет, манили не малиною
Вновь Малинники¹ поэта —
Красотой своей былинною,
Дружбы негасимым светом.

Не терзалось больше ранами
Сердце в здешних далях чистых.
И весной весёлой раннею,
Летом ласковым душистым,

Осени порою чудною
И зимой в сиянье снега
Здесь поэта душу чуткую
Обнимали светлой негой

Парка юного обители,
Говорливый ручеёчек...
И звучал в душе волнительный
Шёпот гениальных строчек.

И бежал ночами лунными
Вдохновенья ток по венам.
Пела лира златострунная
В тишине благословенной.

Дорога в Берново

В столичном угаре соскучились
По пушкинским далям Руси.
В Берново под липы могучие
Поутру везёт нас такси.

Прошу не спешить я водителя.

¹ Малинники – тверское имение П.А. Осиповой – Вульф, где Пушкин неоднократно гостил в разные времена года. Расположено неподалеку от родового имения Вульфов Берново, которое также посещал великий поэт. В Бернове работает музей А.С. Пушкина.

Неровное вьётся шоссе.
Для музы поникшей целительно
Сверканье былинки в росе.

Шары золотые, подсолнухи
Средь зелени в пасмурный день —
Как ясного солнышка всполохи
На ситце тверских деревень.

На вышке гнездо аистинное
Отрадно увидеть. Крестом
Успенская церковь старинная
Наш путь осеняет. Кругом

Кузнечиков слышится пение.
А ветер так свеж... Лепота!
Овеяны пушкинским гением
Глубинные эти места,

Поляны лесные укромные
И ёлок густых бахрома.
В лугах свежескошенных тёмная
Речушки струится тесьма.

Играет, как будто бы в ладушки,
Листва над узорами вод...
Подъехали мы. Липы – матушки,
Примите под ласковый свод.

Михаил Ложников

Пушкин и море

Чёрное море, чёрные вихры —
Пушкин у берега стоит.
Стих, народившись, летит быстрым вихрем,
Чайкою вольной парит.

Катятся, дыбятся волны крутые,
Пеною брызжут, режут,
Грозно сверкают, свинцово — литые,
В даль, в неизвестность зовут.

Вихрятся мысли, владеют поэтом.
С морем его рандеву.
Ветром взъерошены вихры при этом —
Будто сейчас, наяву.

Вот у скалы он с простёртой рукою,
Чувства созвучны волнам —
В сердце поэта нет места покою,
Словно вскипает он сам.

Пушкин и море — страсть и стихия,
Где в беспредельность порыв.
Мощно валы набегают лихие,
Слышит поэт их призыв.

Игумен Антоний (Бочков)

Две птицы Отрывок

...Ох, добрая птица² моя!
К орлу³ подходить не без страха.
Ты знаешь, конечно, кто я:
Я старая, хворая птаха.
Но слушаюсь я певуна,
Когда там, вдали, за горами
Наступит тепло и весна,
Не в здешней стране – за морями.
И прозой простой говоря⁴,
Как Пушкин сказал незабвенный,
Не позже конца января
Дам голос ему непременно.
Ты знаешь ли, чей это день?
«Да как же не знать?» – скажет гневно.
Но в день сей чья требует тень
Молитвы себе однодневной?
В сей день наш великий певец
Убит был на смертной дуэли.
И я попрошу, чтоб Отец
Его помянул. Ведь мы пели
И в юности, в зрелости лет,
По складу его и по ладу.
Так пусть же великий певец
Получит помин и отраду.

² Стихотворение обращено к известной поэтессе XIX века Елизавете Никитичне Шаховой (1822–1899), в иночестве Марии, состоявшей с автором в духовной дружбе и переписке.

³ Под «орлом» имеется в виду святитель Игнатий (Брянчанинов, 1807–1867), епископ Кавказский и Черноморский, духовный наставник и друг игумена Антония (Бочкова).

⁴ Намёк на известную строку А.С. Пушкина «Презренной прозой говоря...» («Граф Нулин», стих 22).

Елена Егорова

Молитва Натали

1

Январь. Последняя пятница.
Четырнадцать сорок пять.
Нет, время назад не пятится —
Поэту вовек не встать.
Душа отошла к Всевышнему —
Великий и страшный миг.
На белой подушке вышитой
Покоен поэта лик,
Но смерти не видно признаков —
Как спит он, глаза смежив.
Метнулась вдовушка призраком:
«Пушкин, Пушкин, ты жив?!»
Недвижно лицо с улыбкою —
Он там, в небесной дали...
В конвульсиях тело гибкое
Рыдающей Натали.
Тупым метрономом страшное
Известье в висках стучит:
«Он умер! Он умер, Саша мой!
Убит он! Убит! Убит!»
Тепло в натопленной комнате,
А сердце мороз сковал...
Скорбеть, молиться и помнить ей
Поэта – пока жива.
Нет, время назад не пятится —
Не петь ему соловьём.
Отныне каждая пятница —
День траура для неё.

2

Свеча горит у Распятия
В молельне у Натали.
Домашние знают: пятница —
День памяти и молитв.
В окне – закат догорающий...
Трёх дочек увёл Ланской —
Печаль её понимающий
Муж – любящий, золотой⁵.

⁵ По воспоминаниям родственников, Наталья Николаевна до конца жизни каждую пятницу поминала А.С. Пушкина и старалась в этот день не выезжать в свет. Её второй супруг П.П. Ланской, которого за добрый характер она называла «мой

Все дети притихли старшие.
Готовит Саша урок,
Мария и Гриша с Ташею
Ушли читать в уголок
Гостиной. А мать – затворница,
Слезы не стерев с лица,
Об упокоенье молится
Великого их отца:
«Очисти, Господь, грехи его
От юных до зрелых дней.
Погублен адской стихиею
Певец Твой. Прости и мне
Кокетство моё беспечное,
Мрачившее жизнь ему.
Упокоение вечное
Даруй рабу Твоему.
Небес Святая Привратница,
В чертог Свой его всели...»
До гроба каждая пятница —
День скорби для Натали.

Валерий Аушев

Разговор с духом Пушкина Невероятная история многолетней давности

1. Рождественская командировка

Я в Котласе под Рождество Христово,
Но в голосе восторга никакого,
И в иное душа, как и деревья...
Нахлынули, как тени, суеверья,
Как призраки, поверья и преданья,
Капризные полночные гаданья...

Вот Пушкина явился дух печальный:
– Где б пунша нам, мой друг, добыть, иль чаю?
– В гостинце подобного разряда
«Гостинцами» вас угостят, что надо:
Табличкою «Нет мест!», презреньем давки
И обезличкою, коль нет на вас заявки.
При случае, коль повезёт вам всё же,
Всё лучшее – в «двухместном» ждёт вас ложе.
Будь классиком, но, не имея справки,
Без «красненькой»⁶ здесь не добыть и лавки!
– О Пушкине молва летит по свету.
Неужто мне откажут, мне – поэту!

К дежурной сам явился дух великий:
– Bonjour Madame, Вас отвлеку от книги.
Желательно одно местечко в «люксе».
– Жевательной резинки дам Вам лучше.
А номера в помине нет такого.
Феномена под Рождество Христово

Вселили мы, опять же – не без «брони»...
Всесильными бывают боги...
– Кроме...
Найдётся ли местечко здесь поэту?
– Неймётся Вам... Заполните анкету.
– Но это же... Я гость, но не железный!
– На этаже на третьем Ваш «трёхместный».
– О Боже мой! – воскликнул гений Пушкин, —
Хоть к брошенной найти бы путь избушке
И в полночи зажечь очаг доверья.
Кто в помощи нуждается, всем дверь я

⁶ «Красненькая» – денежная купюра СССР достоинством в 10 рублей.

Безропотно и радостно открою...
И топот ног утих вдруг за стеною,
И в мареве морозной тихой ночи
Стал маленьким, спрессованным до точки
Мой скованный рождественский недуг.
Рискованно спросить:
– А был ли дух?..

1980

2. А был ли дух?

А был ли дух? А был ли сам поэт,
Который вслух сказал, войдя: «Привет!»?
На шаткий стол он чашечку поставил,
Когда читал: «Мой дядя самых честных правил...»

Я подходил к окну и к плотной шторе —
Её он отодвинул в разговоре.
Я трогал скатерть, где лежал цилиндр,
Перчатки рядом с ним из мягкой лайки...
Наш разговор тогда не оценил
И думал, как и все, что это байки,

Что это было чудо Рождества,
Явившееся в северном приюте.
Но с той поры все мысли и слова
Невольно возвращались к той минуте.

Как он возник из сумерек дневных,
Как предо мною за приход винился,
Как, озирая номер на троих,
Он изумлялся, а точнее – злился:
– Сюда б и дворника послать я не посмел,
Не говоря об остальной прислуге...
– Ах, Александр Сергеич, я сумел
Отвоевать сей кров не без натуги.
– Так – так, мой друг, а что сосед? Храпит?
– Да как ещё, ворочаясь, как глыба...
А то напьётся и мертвецки спит.
Хоть не бранится на весь мир, спасибо.
– Из кучеров, видать, – вздохнул поэт
И покосился на вторую койку. —
Нельзя ли заказать, мой друг, в буфет,
Чтоб к чаю принесли хотя бы слойку.
Да тут и с чаем, видно, проблеманс! —
И Пушкин взмокший бок отёр графина. —
Родишь ли разве здесь какой романс?
Унылая вокруг, pardon, картина!..

Так что с тобою, русский человек?
Уйдя в гудки, машины, паровозы,
В какие дебри ты двадцатый век
Завёл, потомок, утирая слёзы?!
Не для того я звёзды воспевал,
Чтоб рвали в клочья Русь...
Я не приемлю,
Чтоб мир в утехах плотских ликовал,
Забыв, кто мы. Зачем пришли на Землю?

И почему лишь жертвенность дана
Российскому народу! А Европа,
Тщеславием и сытостью полна,
Уста не раздирает от сиропа!
Да и Америка поверх глядит на Русь,
Хотя душой и славой мы богаче.
Вот, милый друг, о чём в душе пекусь,
И мыслю только так, а не иначе...
А чашечку всё ж выпью кофе гю.
Сейчас, гляди, явлю я фокус – покус,
Немало сделал их за жизнь мою,
Но в оных было мало, друг мой, проку – с...

Не знаю, из каких субстанций он
Явил напитка маленькую чашку,
Горячий кофе гостя взял в полон —
Аж расстегнул он шубу нараспашку!
Но этот – тоньше лепестка! – фарфор
И чашечка с летящим ангелочком,
И блюдечко с изящным завиточком
Проходят перед взором до сих пор.

И через столько лет, среди дождей и снега,
Томит вопрос и летом, и зимой:
Действительно ли в поисках ночлега
Дух Пушкина являлся предо мной?

1999

Елена Егорова

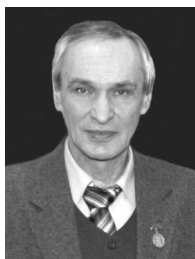
Великий Пушкин

Великий Пушкин... Яркий пламень
Самой поэзии святой...
Стихи – краеугольный камень
Руси словесности живой.
Высоты духа вековые,
Глубины чувства в них. Поэт
Неисчерпаем, как Россия,
Явившая его на свет.

Гость «Угрешской лиры»

Лев Котюков

Лев Константинович Котюков – председатель правления Московской областной организации Союза писателей России, секретарь правления и член приёмной коллегии Союза писателей России, академик Международной академии Духовного единства народов мира, заслуженный работник культуры РФ, главный редактор журнала «Поэзия» и издательской серии ‘Библиотека русской поэзии’.

Лев Котюков родился в 1947 году в г. Орле. Он с отроческих лет сотрудничал в областных газетах, где опубликовал свои первые поэтические и прозаические произведения. В 1965 году он поступил в Литературный институт, после окончания которого вернулся в родные места, работал в районной и областной печати, на сталепрокатном заводе и на других предприятиях г. Орла и области.

После первых успешных публикаций в центральных газетах «Правда» и «Комсомольская правда», в журнале «Новый мир» редакции и издательства стали отклонять рукописи молодого литератора, обвиняя его в богоискательстве, патриархальности, антимарксизме. Только с середины 1980-х годов по мере ослабления цензуры начали выходить его книги и публикации в самых различных изданиях.

В 1990 году ему присудили годовые премии «Литературная газета» и журнал «Молодая гвардия». Он сразу же занял своё место в первом ряду мастеров отечественной словесности. Его книги последних лет «В одинокой толпе», «В змеиных зеркалах», «Страх любви», «Огонь летящий», «Невозможное», «Крест и пламя», «Тайна молчания», «Не спасётся никто от последней любви» и другие получили заслуженное признание в России и за её пределами.

Лев Котюков – первый поэт в истории России, отмеченный за литературные труды Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Лев Константинович является лауреатом международной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, а также лауреатом и дипломантом ещё 37 международных, всероссийских и региональных премий, в том числе московской областной литературной премии Ярослава Смелякова. Л.К. Котюков имеет правительственные награды и является лауреатом Государственной премии I степени ЦФО РФ в области литературы и искусства.

Публикуемая в «Угрешской лире» небольшая подборка стихотворений Льва Котюкова посвящена любви во всём многообразии её проявлений. В творческом отношении стихи связаны с лирикой А.С. Пушкина и лучших поэтов XIX–XX века и одновременно оригинальны.

Залог

Бессмертья, может быть, залог...

А.С. Пушкин

Глохнет в берёзах грустно
Эхо больших поэм.
Что – наша жизнь в искусстве?
Это – не жизнь совсем.

И в ледяной отчизне,
С криком рванувшись ввысь,
Лебеди романтизма
Вмёрзли в постмодернизм.

Впрочем, ещё не вечер,
Чтоб красоту жалеть...
И с красотой вечной
Встретится наша смерть.

Будем, друзья, как дети
В мире глухих тревог,
Ибо не всем – бессмертье
Слово даёт в залог...

Жар любви

Я пережил свои желанья...

А.С. Пушкин

Не пережить свои желанья,
Не пережить мечты свои...
Но, словно Божье состраданье,
Объемлет души жар любви.

Объемлет души и спасает...
И я – в тебе, и ты – во мне!
Объемлет – и соединяет
В испепеляющем огне...

«Над садом ледяным свет золотого сада...»

И знала рай в объятиях моих.

А.С. Пушкин

Над садом ледяным свет золотого сада,
И садом ледяным сквозь неземную цветъ
Уходят в ад земной пришедшие из ада,
Познав до срока рай, познав любовь, как смерть.

В пустынях мировых исходит одиноко
Свет золотых садов – эфирный, вечный свет.
Познав до срока рай и ад познав до срока,
Мы сгинули в любви – и нам исхода нет.

Мы сгинули в любви, но Божий сад за нами!
Из бездны огневой восходит пламя ввысь.
И розы ледяной дыханье, будто пламя,
И, может быть, любовь бессмертнее, чем жизнь.

«...И первая любовь ещё приснится мне...»

...И первая любовь ещё приснится мне,
И тайны вещей снов навек душе доверит.
Но жизнь моя, как зеркало во тьме,
Как бабочка – полночица в тюрьме,
Как облако, летящее в огне,
Как море, позабывшее свой берег.

О, первая любовь! Шампанское в снегу!
И адрес безответный на конверте...
Но тайны снов своих, как душу, сберегу
И жизнь свою, как смерть, превозмогу
На дальнем одиноком берегу,
Не знающем забвения и смерти.

Черёмуха

Любовь и дружба вновь со мной!
Река. Огни у перевоза.
Озноб черёмухи лесной,
Как будтоходишь в дом с мороза.

Любовь и счастье вновь со мной!
Наедине со мной, воочью!
Свет опадающий земной
Не угасает свежей ночью.

Любовь и верность вновь со мной!
А в сердце тайное страданье...

Озноб черёмухи лесной,
Твоё морозное дыханье.

Яблоко

Ты утром ни о чём меня не спросишь
И заспешишь неведомо куда.
И яблоко надкушенное бросишь
В тарелку – и исчезнешь навсегда.

Всё это – в безответном и далёком —
В том мире, где не помнят ничего.
А яблоко ещё исходит соком
От лёгкого надкуса твоего.

Сентиментальная история

В городе жёлтых акаций
И четырёх площадей
Трудно в толпе затеряться,
Трудно уйти от людей.

Летом, в нечётные числа,
После рабочего дня
Возле бродячего цирка
Ты ожидала меня.

Цирк – балаган полотняный —
Странно и весело жил,
Клоун, с утра полупьяный,
Вовсе меня не смешил.

И, никого не стесняясь,
В дальних рядах, в полутьме,
Как хорошо ты смеялась
И прижималась ко мне.

Цирк продолжает скитаться,
Стало немного скучней
В городе жёлтых акаций
И четырёх площадей.

Те же привычные лица,
Та же в глазах синева.
Кружат над городом птицы.

Кругом идёт голова.

Банальный сюжет XX века

Ознобом било утро,
И свет летел в поля.
И грезилась кому – то
Подводная земля.

«Прощай!» – сказал любимой,
Друзьям кивнул: «Привет!»
С пропавшей субмариной
Исчез, как в поле свет.

Ту жизнь, почти счастливую,
Весь мир почти забыл.
И девушку красивую
Никто не полюбил.

Любовью стала небыль —
И, может быть, не зря.
И грезят тайной Неба
Последние моря.

Усталое молчанье
В потёмках городских.
И встреча, как прощанье
На пустырях людских.

Но мотылёк несётся
В горящее окно.
И субмарина бьётся
О ледяное дно.

Над красным садом

Красный звон больших колоколов
В золотом дыму над красным садом...
И душе давно не надо слов,
И любовь, как светлый ангел, – рядом.

Красный сад распахнут вышине.
Глохнет в травах тёмный путь окольный...
И душа, как облако в огне,
Движима волною колокольной.

И без слов душа моя поёт,
Забывая беды и страдания,
И – с небес любовь земную ждёт
Красный сад, не зная увяданья.

«Где первая любовь? Где всемогущий свет?..»

Где первая любовь? Где всемогущий свет?
Как одиноко быть самим собою.
Как одинок в песке прибрежном след,
Отмеченный отпрянувшей волною.

Где поздняя любовь? Друг друга не спасти!..
Друг друга поглощают отраженья.
И с бешенством сожму пустой песок в горсти,
И разожму ладонь в изнеможенье.

Где вечная любовь? Друг друга не узнать...
Как тихо в засыпающем затоне...
Но что – то ещё хочет рассказать
Последняя песчинка на ладони.

Северным летом

Эта жизнь, как северное лето,
Как осколок льдинки в кулаке.
И уходит молодость до света
Лунною дорогой по реке.

А любовь у края белой ночи
Всё молчит над берегом одна.
И напрасно кто – то там бормочет,
Что любовь без старости нужна.

И душа с мечтою молодою
Прозревает дальние века.
И нисходят с Севера грядую
В седине громовой облака.

И дорога лунная пропала,
Но не стоит плакать оттого,
Что душе и молодости мало,
Что любви не надо ничего...

«...И влажный свет, и тёплая весна...»

...И влажный свет, и тёплая весна,
Но образы любви сознание множит,
Как будто хочет жизнь отдать себя сполна,
Но до конца отдать, увы, не может.

И я сей жизни нынче не судья!
Коль есть любовь, — зачем печаль и старость?
И остаётся так отдать себя, —
Чтоб смерти даже строчки не досталось...

«Меркнут в памяти лица...»

Меркнут в памяти лица,
Меркнут годы любви.
Эх бы, снова родиться,
Где поют соловьи!

Эх бы, снова и снова
За июньским дождём,
В тайне вечного Слова,
Оставаться вдвоём.

И забыть, как безумье,
Все земные слова,
Чтоб в дыму полнолуния
Пела в росах трава.

И спастись в невозможном, —
И с последней Весной,
В одиночестве Божьем,
Жить любовью одной.

Чтоб в краю соловьином
Были все не одни,
Чтоб не меркло в незримом
Солнце зримой любви.

Но душа одинока,
И в незримом — темно...
И спастись раньше срока —
Никому не дано.

Угрешский Парнас

Татьяна Уварова

Татьяна Иосифовна Уварова – член Союза писателей и Союза журналистов России, член – корреспондент Академии Российской словесности, лауреат московских областных литературных премий им. Я. Смелякова и Е. Зубова, дипломант московской областной литературной премии им. Р. Рождественского, руководитель литобъединения «Угреша». Выпустила в свет пять авторских поэтических сборников, в числе которых «Предзимье» (2004), «Послесловие к любви» (2008). Имеет общественные награды: золотую Есенинскую медаль, орден Екатерины Великой II степени.

«В платье зелёном из дома я вышла...»

В платье зелёном из дома я вышла.
Долгие годы по стёжке бреду.
Встретить мечтала я белую вишню —
Светлую радость в весеннем саду.

Стали казаться мне тёмными звёзды.
Стала в реке ледяною вода.
Может, не поздно, вернуться не поздно,
Но не вернулся никто никогда.

Новый мой дом – и тепло, и надежда.
В нём я хочу быть счастливою вновь.
Нежною лаской мне сердце тревожа,

Пусть в нём живёт молодая любовь.

Может быть, многое в жизни не вышло.
Я всё надеюсь и всё ещё жду.
Пусть мне приснится белая вишня —
Светлая радость в весеннем саду.

У Пушкина

Перекусим в «Бистро» на Тверской
И на лавке у Пушкина сядем.
Говорила б с тобой день — деньской,
На поэта великого глядя.

Величав и задумчив поэт,
Он красив для влюблённого взгляда.
И любить его тысячи лет
Я согласна. Другого не надо.

Ты и есть тот другой, без обид!
Я жалею тебя, погорельца.
Страсть спалила тебя. Жалкий вид
Взволновал моё доброе сердце.

Ты расскажешь, как много любил,
Как растратил себя без остатка,
Что купить сигареты забыл,
На студенточку глядя украдкой.

Постарел ты мой друг, постарел —
Вот взглянула, как внушки, как дочки.
И какой — то заезжий пострел
Ей целует румяные щёчки.

Ты простишься опять, как навек.
Сдержишь слёзы — зрачки затуманишь.
Непутёвый родной человек,
Ну кого ты, ну чем ты приманишь?

И уйдёшь, как обычно, в метро,
Не уедешь на мерседесе
Беречь золотое нутро
Сердобольной, как я, поэтессе.

«Радугой любовь моя сияет...»

Радугой любовь моя сияет,
Словно в сказке аленький цветок.
Зависть пастью чёрною зияет
И срывает лучший лепесток.

Я скажу завистливым красоткам:
– Ой, подруги – первые враги,
В городских проулках и высотках
Своевольны милого шаги.

И в окно мне – шелест, будто шёпот:
– Пьянствует, гуляет, предаёт.
А любовь ещё струится шёлком,
Соловьём над розами поёт.

Милый жарко припадёт к коленям,
Взгляд подымет, как на образа, —
И несёт в поток любовной лени
Нас двоих счастливая слеза.

«Божественен запах айвы...»

Божественен запах айвы,
но плод твёрдо – кислый и терпкий.
Такой же, мой милый, и вы.
Признайтесь, никто вас не терпит.

К вам женщины мчатся толпой,
Надкусят и прочь подаются.
Вы мне интересны такой,
Как фрукт на серебряном блюде.

Веточки вербы

С каждой весною, всё крепче любя,
Даришь мне веточки вербы.
Я благодарна судьбе за тебя,
Сильный, надёжный и верный.

Нежны соцветья, как птенчиков пух,
Глажу губами комочки.

Так вот рождались для юношей двух
Наши красивые дочки.

Верю, Господь не оставит одних
Дочек без веточек вербы.
Пусть будет суженый каждой из них —
Смелый, надёжный и верный.

Предутреннее

Мартовской ночью в цепях ледяных
Город по – прежнему в зимней тревоге.
Сон мой тягуч без объятий твоих,
Как у медведицы в тёплой берлоге.

Где – то забылась бродяжка – весна,
Лишку хлебнула на южных широтах.
Мне нелегко отойти ото сна
К снежным морокам и зимним заботам.

Междугороднюю связь прокляну —
Ты телефонным звонком меня будишь.
В синий конверт запечатай весну,
Вышли по почте, коль ты меня любишь.

«Надели звёзды шапки – невидимки...»

Надели звёзды шапки – невидимки,
И стало в небе пусто и темно.
Как девушка в шифоновой косынке,
Глядит луна на нас, ей всё равно,
Что мы с тобой случайно разминулись:
Я у метро, где выход. Ты – где вход.
И все вокруг нас будто бы свихнулись,
И тонет жизни общий пароход.
Одни поют, другие громко плачут.
А свет стекает в чёрную дыру.
И, если для тебя я что – то значу,
Найди меня, иначе я умру.

«У меня в мечтах ты жил...»

У меня в мечтах ты жил.

Молчаливый и влюблённый.
Город нас с тобой кружил
В карусели дней зелёных.

У меня в мечтах ты пел.
Враждовал твой голос с ветром.
И тончайший пух летел
С тополиных пряных веток.

У меня в мечтах слова
Песни той неповторимы.
Отшептали дерева:
«Мой любимый, мой любимый!»

«Улетели наши самолёты...»

Улетели наши самолёты.
Унеслись, как ветры, поезда.
Не кори в забывчивости, что ты!
Мы от них отстали навсегда.

Нет, я ничего не позабыла,
Ни тебя, ни наших жгучих лет.
Отлюбило сердце, отлюбило.
Выпал снегом яблоневого цвет.

От любви мы были так красивы —
Звёзды над восторженной толпой.
Ни о чём мы Бога не просили.
Всё тогда имели мы с тобой.

А теперь сердца стучат всё глуше.
Молодость сбежала без следа.
Не зови. Она заткнула уши
Песней в новомодных проводах.

Нет, я ничего не позабыла,
Ни тебя, ни наших жгучих лет.
Отлюбило сердце, отлюбило.
Выпал снегом яблоневого цвет.

Первая любовь

Владимиру Ривлину

У первой у любви
Обычно краткий срок.
Не надо «Се ля ви!» —
В крови остался сок.

И станет он бродить
По венам голубым.
И душу беречь
Тому, кто был любим.

О городе своём
Забудь в другой стране...
А помнишь, вы вдвоём
Гуляли, как во сне.

Как пышная сирень,
Она тогда цвела.
А голос, как свирель.
И первою была.

Тогда я от неё
Поблизости жила
И тёплым майским днём
На праздник вас ждала.

И стал тот ясный день,
Как в памяти алмаз.
На палец не надень —
Но вспоминай не раз!

У первой у любви,
Как видно, долгий срок.
Она живёт в крови,
Как начертал ей Бог.

«Пусть жизнь не стоила гроша...»

Пусть жизнь не стоила гроша
И к смерти привела.
Но у меня была душа,
Моя душа была.

Кто жил на свете без гроша,
Кто нажил полный дом.
Моё сокровище – душа,
Поющая при том.

Я шла по жизни, не спеша.
И не простым был путь.
Но у меня была душа,
Незлобная ничуть.

Для многих сажа хороша —
Талант чужой губить,
А у меня была душа,
Способная любить.

Пусть кто – то с ловкостью ужа
Сквозь щель пролез в успех.
А у меня была душа,
Открытая для всех.

Услышу, в чем моя вина
Под звуки Судных труб.
Но пусть души моей волна
Коснётся ваших губ.

Елена Егорова

Елена Николаевна Егорова – член Союза писателей и Союза журналистов России, автор 20 книг и поэтических сборников, заместитель руководителя литобъединения «Угреша». Работает ведущим научным сотрудником Центрального экономико – математического института РАН. Дипломант московской областной литературной премии им. М.М. Пришвина (2006), лауреат московской областной поощрительной премии им. Я.В. Смелякова (2005). Награждена Патриаршей грамотой за усердные труды во славу Русской Православной Церкви.

Екатерина Ушакова – Александру Пушкину

Отрывки из ненаписанного письма ⁷
26 мая 1828 года

...О тебе всё думала,
глаз и не сомкнула.
Ночь прохладой дунула —
свечи мне задула...
Вот и утро раннее.

⁷ Екатерина Николаевна Ушакова (1809–1872), московская знакомая А.С. Пушкина, за которой он ухаживал в 1827–1830 годах. Она была долго и серьезно влюблена в поэта, но их брак не состоялся.

Спит беспечно Лиза.
Я ловлю лобзание
ласкового бриза.

.....

Жарко разгорается
солнце над Москвою,
а сердечко мается
хладною тоскою.
Я грущу плакучею
ивой у водицы:
не сгустились тучи ли
над тобой в столице?

.....

Помнишь ли катания
на пруду на Пресне?
Снова здесь гуляния,
музыка и песни.
Пруд расцвёл снежинками
ярко – белых лилий,
что по – над тропинками
аромат разлили —
свежий и таинственный,
пряный и горчащий...
Вспоминай, единственный,
обо мне почаще.

.....

Ты дарил мне лилии,
улыбаясь томно.
Профиль быстрой линией
начертал в альбоме
и стихами нежными
покрывал страницы.
Там твои небрежные
росчерки – как птицы.

.....

Где ж то окрыление?
Мне стучатся в двери
слухи, что в Оленину
ты влюблён. Не верю!
Верю, что не сгинули
наши чувства в Лете,
и любовь, как лилии,
всё цветёт, всё светит...

Любовь флейтиста

Видение из прошлого

В старинном парке молодой флейтист
Мелодию любви своей играет.
Весенний ветер нежно развевает
Широких рукавов его батист.

Сливаясь с пеньем птиц в объятьях мая,
Душа певца перетекает в звук.
Толпится праздно публика вокруг,
В рассеянии музыке внимая.

Но не видать её, любимой, той,
Что стала Музой светлой музыканта,
Чей образ ярче граней бриллианта
Сверкает ненаглядной красотой.

И грусть – печать овладевает флейтой,
В очах флейтиста будто меркнет свет...
Но, чу! Вдали любимой силуэт!
И песня вьётся лучезарным шлейфом.

Взлёт музыки. Любви счастливый жар
Созвучьями волшебными трепещет...
И публика в восторге рукоплещет,
Кладёт монеты в старенький футляр.

А Музу – скромницу никто не замечает.
Флейтист ей улыбается. Без слов
Они идут на звон колоколов —
Теперь им хватит денег на венчанье...

Росинка грусти

Белые берёзоньки надели
В золотую крапинку вуаль.
На иголках изумрудной ели
Мелких капель светится хрусталь.
Изредка пробьётся солнца лучик,
Но в лесу осеннем – благодать.
Нет тебя со мной. Так, может, лучше:
Невозможно сердцу приказать.
Под ногой то лист, то хворост хрустнет,
То чирикнет с ветки воробей,
То в душе блеснёт росинка грусти
О любви несбывшейся моей.

Соловьиный вечер

Июньский парк. Трель соловья
И щебет птах неугомонный.
Вот и заветная скамья
Под старой липой благовонной.

Присядем рядышком в тени.
Сегодня соловьиный вечер!
Ты мне слова любви шепни
И нежно обними за плечи.

Внимай, мой милый, соловью
И будь счастливым и беспечным.
Тебя любовью обовью
И увлеку собой навечно.

Вздох осени

Скрылось солнышко румяное,
Вышел месяц молодой.
В нежной дымке золотой
Роща розово – багряная
Тонко источает пряные
Запахи листвы сухой...
Шёпот осени глухой —
Словно тихий, потаённый
Вздох любви неразделённой,
В сердце издавна живой...

Осеннее счастье

Небо осени холодно – голубое.
Отшумел последний листопад,
А душа природе не попад
Жарко дышит счастьем и любовью.
Не страшны в грядущем холода,
Если нам завещано с тобою
Жить одной – единственной судьбою
И не расставаться никогда.

Вешний сон

Соткан искусницей – весной
Покров травы в глуши лесной,
Деревьев вышита канва.
Сквозь ветки плещет синева
Нам в лица. Снова ты со мной.
Какая тишина!
Признаний не нужны слова —
Сказала всё весна...

Росток

Лесной проталины
края хрустальные
сверкают в солнечных лучах
и тают, влагою питая
росток цветка. Он не зачах
и силы тайные
хранил под снегом,
с терпеньем кротким ожидая
весенней неги.

И дни желанные пришли,
пригрело солнце.
Проснувшейся родной земли
покинув лонце,
пробился молодой росток
сквозь сетку веток,
с надеждой глядя на восток,
раскрыл лазоревый цветок
навстречу свету.

Так затаённая любовь,
отбросив маски,
взойти ростком готова вновь
навстречу ласке,
порвав сомнений долгих нить,
вдруг расцвести и расцветить
привычность буден,
и светом чистой веры жить,
что счастье будет.

Измена

Ещё любви колокола
Осколками пронзают душу,
И колет острая игла
Луча луны, что в темь зашла,
Но не заплачу и не струшу —
Окончена твоя игра.
Из моря снов ступлю на сушу.

Вернусь к себе – давно пора!
Быть в жалкой роли третьей лишней
Я никогда бы не смогла.
Твои недобрые дела
Поможет мне забыть Всевышний.
И боль остынет, как смола
Засохшей от забвенья вишни.

Заветная любовь

На заре рябиновые свечи
Загорелись ярко пред зимовьем.
На любовь нежданную отвечу
Я тебе заветною любовью,
Чувствам нерастраченным дам волю,
Ясною улыбкой околдую,
Все твои сомнения и боли
Поцелуем нежным уврачую.
Пусть река любви клокочет в устье,
А печали счастьем обернутся...
Только б в этих вдохновенных чувствах
Никому из нас не обмануться.

Поздняя любовь

Когда с годами страсти глуше,
То чувства глубже и верней.
Они лишь обнимают душу,
А не господствуют над ней.

Душа лелеет не напрасно
Неувядаемый их цвет.
И поздняя любовь прекрасна,

Когда в ней грубой страсти нет.

Когда взаимные молитвы
Двоих спасают от беды,
Им отворяет Бог калитку
В Свои небесные сады.

И бури мира не иссушат
Любви Божественных корней.
Когда с годами страсти глуше,
То чувства глубже и верней.

Песнопения любви

Весенний лес – как в церкви клирос:
Вновь славят вечную любовь
Птиц вдохновенные стихиры.
Им подпевай без фальши, лира,
Не суетись, не суесловь.
Чтоб в небе милостивый Бог
Тебя, как птиц, услышать мог,
Ты струны на любовь настрой,
Всё сердце перед Ним открой
И тихо пой.

Валерий Аушев

Валерий Петрович Аушев – известный поэт и журналист, председатель правления Международной ассоциации писателей, член Союза писателей и Союза журналистов России, главный редактор издательского центра «Ветеран Отчизны». Автор и составитель более 30 книг прозы и поэзии, сценариев телепрограммы «От всей души», документально – художественного телесериала «Звезда Ломоносова» и других; лауреат многих профессиональных премий, в числе которых: «Золотое перо Московии» (2002), им. М.Ю. Лермонтова (2002), им. М.А. Шолохова (2005), им. Г.К. Жукова (2006), им. Я.В. Смелякова (2008). Имеет правительственные награды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.